

Лаборатория ПОНЯТИЙ:

ПЕРЕВОД
И ЯЗЫКИ ПОЛИТИКИ
В РОССИИ XVIII ВЕКА



Новое
Литературное
Обозрение

2 0 2 2

УДК 811.161.1'42
ББК 81.411.2-006
Л12

Редакторы проекта *Studia Europaea*

*Д. А. Сдвижков (Германский исторический институт в Москве),
И. Ширле (Тюбингенский университет)*

*Совместный проект издательского дома НЛО
и Германского исторического института в Москве*

Л12 Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века: Коллективная монография / Под ред. С. В. Польского и В. С. Ржеуцкого. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 576 с.: ил. (Серия *Studia Europaea*)

ISBN 978-5-4448-1762-9

Изучение социокультурной истории перевода и переводческих практик открывает новые перспективы в исследовании интеллектуальных сфер прошлого. Как человек в разные эпохи осмыслял общество? Каким образом культуры взаимодействовали в процессе обмена идеями? Как формировались новые системы понятий и представлений, определявшие развитие русской культуры в Новое время? Цель настоящего сборника — исследовать трансфер, адаптацию и рецепцию основных европейских политических идей в России XVIII века сквозь призму переводов общественно-политических текстов. Авторы рассматривают перевод как «лабораторию», где понятия обретали свое специфическое значение в конкретных социальных и исторических контекстах. Книга делится на три тематических блока, в которых изучаются перенос/перевод отдельных политических понятий («деспотизм», «государство», «общество», «народ», «нация» и др.); речевые практики осмысления политики («медицинский дискурс», «монархический язык»); принципы перевода отдельных основополагающих текстов и роль переводчиков в создании новой социально-политической терминологии.

УДК 811.161.1'42
ББК 81.411.2-006

В оформлении обложки использован фрагмент силуэта Иоганна Фридриха Антинга «Давид Рентген у С. Ф. Стрекалова в Санкт-Петербурге». Ок. 1784–1786 гг. Метрополитен-музей, Нью-Йорк / The Metropolitan Museum of Art, New York.

© С. В. Польской, В. С. Ржеуцкий, составление, 2022
© Авторы, 2022
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Польской, Владислав Ржеуцкий. Перевод и развитие политического языка в России XVIII века</i>	7
I. Перевод и гражданская наука	9
II. Контекст и статистика	47
III. Перевод и политический дискурс в России XVIII века	86

I. Перенос и перевод политических понятий

<i>Ингрид Ширле. Понятия «народ» и «нация» в русских переводах второй половины XVIII века</i>	104
<i>Константин Бугров. Деспотизм в российской политической мысли XVIII века: европейский концепт и попытка манифестации идентичности</i>	136
<i>Рива Евстифеева. Мудрость vs благоразумие придворного: к вопросу о переводческих стратегиях С. Волчкова</i>	170
<i>Надежда Плавинская. Политическая лексика в русских переводах Монтескье и Беккариа</i>	196
<i>Татьяна Артемьева. Понятия политической философии Адама Фергюсона в русских переводах конца XVIII — начала XIX века</i>	216

II. Трансфер и адаптация языков политики

<i>Сергей Польской. Рукописный перевод и формирование светского политического языка в России (1700–1760-е)</i>	236
<i>Кирилл Осоват. «Человеческие монстры»: политическая анатомия при Петре I</i>	315
<i>Михаил Киселев. Адаптация антиабсолютистского монархизма в России в первые две трети XVIII века</i>	339

III. История перевода и переводческие практики

<i>Олег Русаковский.</i> Два перевода «Тактики» императора Льва в России рубежа XVII–XVIII веков	376
<i>Мария Неклюдова.</i> «Совершенное воспитание детей» (1747), или Что стоит за переводом Сергея Волчкова	405
<i>Мария Петрова.</i> П. А. Левашев и его перевод трактата Франсуа де Кальера «Каким образом договариваться с государями»	444
<i>Майя Лавринович.</i> Рукописный перевод биографии графа Остермана: его источники, контекст создания и особенности перевода	469
<i>Елена Бородина, Мишель Тисье.</i> «Ко благу моих соотечественников и ко усовершенствованию познаний» судей: иностранная литература о юстиции в переводах Василия Новикова	501
Именной указатель	536
Тематический и предметный указатель	562
Сведения об авторах	574

Сергей Польской, Владислав Ржеуцкий

ПЕРЕВОД И РАЗВИТИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА
В РОССИИ XVIII ВЕКА¹

Настоящая книга объединяет исследования, представленные в виде докладов на конференции «Перевод общественно-политической литературы и формирование языка „гражданских наук“ в России (конец XVII — начало XIX века)», которая прошла в Германском историческом институте в Москве (ГИИМ) в феврале 2017 года. Она была организована в рамках проекта ГИИМ «Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России XVIII века» под руководством Сергея Польского (НИУ ВШЭ, ИВИ РАН) и Владислава Ржеуцкого (ГИИМ). Проект финансировался ГИИМ в 2015–2019 годах и совместно ГИИМ и Центром истории России Нового времени НИУ ВШЭ с 2020 года. Цель проекта — исследовать процесс трансфера, адаптации и рецепции главных

¹ Часть I вступления написана С. В. Польским, часть II — В. С. Ржеуцким, часть III — совместно С. В. Польским и В. С. Ржеуцким. Мы благодарим за ценные замечания (в алфавитном порядке) А. А. Костина (Пушкинский Дом, НИУ ВШЭ), Г. Маркера (Университет Стони Брук, Нью-Йорк), В. А. Мильчину (Институт высших гуманитарных исследований имени Е. М. Мелетинского РГГУ и Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС), К. А. Осповата (Университет Висконсина-Мэдисона), Д. А. Сдвижкова (ГИИМ) и И. Ширле (Университет Тюбингена). Мы хотели бы также выразить свою благодарность В. Е. Попову (ГИИМ) и Е. А. Кушкову (НИУ ВШЭ), при непосредственном участии которых создавались как база данных печатной продукции в России XVIII века, так и графики, которые помогают визуализировать эти данные, и некоторые статистические таблицы, которые мы приводим. См. подробную статистику и графики на сайте проекта: <https://krfp.dhi-moskau.org/ru/page/intro> (последнее обращение — 07.08.2021). Мы хотели бы также выразить свою благодарность»: М. Л. Сергееву за помощь в составлении указателей.

европейских политических идей и понятий в России XVIII века через обращение к переводу общественно-политических текстов. Этот проект продолжает исследования ГИИМ в области истории понятий — в частности, проект «История понятий и историческая семантика», которым руководили Ингрид Ширле и Денис Сдвижков, — особенно в сфере методологии, но на новом материале.

Исходной точкой проекта является предположение, что политическая терминология в русском языке XVIII века рождалась в процессе перевода, когда понятия обретали свое специфическое значение в конкретных социальных и политических контекстах. Действующими лицами этого процесса выступали переводчики, заказчики переводов и читатели, которые создавали и осмысливали новую политическую лексику, преобразующую семантическое поле русского языка. Нас интересует не только сам процесс перевода, понимания и адаптации европейской политической терминологии, но и распространение, чтение и использование печатных и рукописных переводов «политических» сочинений в России XVIII века. Одна из важнейших исследовательских задач проекта — описание обширного круга русских рукописных и печатных переводных сочинений этой эпохи; именно такую цель преследует сайт проекта — «Корпус русских переводов общественно-политических сочинений»¹, который был открыт осенью 2020 года.

Во вступительной статье мы рассмотрим ряд взаимосвязанных вопросов. Кратко обозначив наше исследовательское поле, мы покажем, в чем заключаются особенности «переводческого поворота» в гуманитарных науках и каковы были основные этапы в исследовании перевода. Где пролегают границы сферы политического в XVIII веке и каково место перевода в развитии политического языка в России этого времени? Какую роль играли переводчики и читатели переводов в формировании новой лексики в эту эпоху? Чтобы понять место перевода среди всей печатной продукции, увидевшей свет в России XVIII века, и место «политического» перевода среди других русских переводов, мы рассмотрим статистические данные о русском книжном

¹ См. <https://krp.dhi-moskau.org> (последнее обращение — 07.08.2021).

рынке, полученные в ходе реализации проекта. В последней части вступления мы кратко остановимся на статьях, собранных под этой обложкой, чтобы показать, с каких позиций и на каком материале авторы книги изучают перевод в России XVIII века и какие вопросы они поднимают в своих исследованиях.

I. ПЕРЕВОД И ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА

Стремясь познать свое социальное бытие и понять политические институты и процессы, люди используют языки описания разной сложности. Эти языки, репрезентируя постоянно усложняющийся мир социальных отношений, постепенно достигают определенной степени абстракции; вырабатывается понятийный аппарат, который представляет зафиксированное в языке осмысление политического порядка и в то же время предписывает определенное отношение к нему. Таким образом, дискурсивное знание конструирует понятия, идеологические «фикции» («государство», «общество», «народ», «нация» и так далее), которые становятся частью дискурсивных практик и играют определяющую роль в повседневном функционировании властного порядка. Несомненно, что становление подобного языка связано с культурными и социальными особенностями каждого общества, однако процесс обмена и заимствования идейных и концептуальных форм во многом способствует развитию новых способов осмысления общественной жизни. Как известно, «диалог культур» ведет к изменению языкового поля, что уже само по себе отражает трансформацию культуры¹. Таким образом, «национальные» культуры всегда формируются и развиваются в процессе перевода, диалога и взаимообмена.

История русского XVIII века может служить тому блестящей иллюстрацией. Это был переломный этап в развитии русской

¹ Обобщая положения ряда теоретиков постколониальных и переводческих исследований, Дорис Бахман-Медик пишет, что «культуры формируются в процессе перевода и за счет сложных явлений наложения и переноса, возникающих в каждом отдельном случае культурного сопряжения в неравных условиях распределения власти в мировом обществе». См.: *Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташнекова. М., 2017. С. 294.*

светской культуры и становлении нового общественного сознания. Немаловажную роль в этом процессе сыграло принятие и использование западноевропейских идей и практик. Хотя эти тенденции становятся очевидными еще в XVII веке, новое столетие приносит существенные изменения. Важнейшими посредниками в культурном трансфере оказались переводчики, которые в связи с насущными требованиями времени переводят больше и чаще, чем их древнерусские предшественники. При этом расширяется как репертуар переводных сочинений — от научных и технических руководств до философских трактатов и поэтических сочинений, — так и круг читателей этой литературы: от придворных и иерархов церкви до провинциальных канцеляристов и мещан. И хотя большинство переводов политической литературы создается не для широкой публики, а для пользования «статских мужей» или распространения в узком кругу «знатоков», переводная книга пересекает социальные границы и находит себе читателя в широких слоях грамотного населения.

Историки современного русского языка уже давно пришли к выводу, что его формирование шло в контексте сближения «конструктивных форм русского языка с системами западноевропейских языков»¹, открытости иностранным заимствованиям (в отличие от церковнославянского в эту эпоху)² и, наконец, конструирования нового языкового стандарта в процессе переводческой деятельности³. Соответственно, становление нового рационального светского общественно-политического языка в России XVIII века было связано с активным переводом политико-правовой литературы, начавшимся в петровскую эпоху.

Однако сам процесс перевода включал в себя не только тексты и не может быть рассмотрен исключительно в лингвистической плоскости, несмотря на всю ее значимость. Изучение отдельных элементов текста (понятий) в рамках теории трансфера также не может дать полного представления о переводе как

¹ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. М., 1982. С. 57.

² Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 115, 117.

³ Живов В.М. История языка русской письменности: В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 993, 1019.

межкультурном явлении. «Культурный поворот» (*cultural turn*) в гуманитарных науках, пришедший вслед за «лингвистическим поворотом», заставил исследователей обратиться к проблеме перевода с иной, комплексной точки зрения. Расширение самого понятия «перевода» в рамках этого «поворота» позволяет исследователям рассматривать его как метафору культуры и переориентироваться от изучения перевода отдельных семантических единиц и текстов к рассмотрению перевода в широких рамках дискурсивных практик. В этом понимании перевод становится не только универсальной формой транснационального взаимодействия идеями и практиками, но и способом интерпретации самой «переводящей» культуры, ее составной частью, репрезентируя внутреннюю статику и динамику мировоззренческих основ, значений, смыслов и картин мира. Проще говоря, перевод открывает нам новые способы понимания культуры и ее особенностей. Собственно, введение понятия «культурный перевод» (*cultural translation*) и его отделение от традиционного текстуального (лингвистического) подразумевает те концептуальные изменения, которые наметились в современной гуманитарной науке. Перевод перестал рассматриваться как простой перенос слов (или их значений) из одного языка в другой, в широком смысле он подразумевает присвоение (или переосмысление) образов мышления, картин мира и культурных практик. Контекст возникновения перевода и его использование в «принимающей» культуре позволяют обратиться к изучению тех исторических дискурсивных формаций, в которых развивается культура. Таким образом, изучение перевода ведет нас к разговору о самосознании и проблематизации культуры, которая являет себя в восприятии тем, идей и смыслов другой культуры¹.

Ниже мы будем говорить о переводе в этом понимании, поэтому тема нашей книги охватывает довольно обширный круг исследовательских вопросов, которые включают в себя перевод как дискурсивную практику и культурную технику самопостижения культуры в определенную историческую эпоху.

¹ О «культурном повороте» в области перевода см.: Bassnett S. The translation turn in Cultural Studies // Translation, History and Culture / Ed. by S. Bassnett, A. Lefevere. L., 1990. P. 123–140; Рут А. Exploring Translation Theories. 2nd edition. L.; N. Y., 2014. P. 139–157; Бахманн-Медик. Культурные повороты. С. 283–322.

Центральный вопрос книги, вокруг которого переплетаются все основные сюжеты наших авторов, — это перевод как культурная практика и способ присвоения знания, в данном случае знания о власти и об устройстве общества. Мы обратимся к переводу в его расширенном значении, в контексте становления светского рационального знания об обществе и государстве, которое можно описать как «политическую науку», но, избегая прямых ассоциаций с современным узким значением этого понятия и опираясь на терминологию изучаемой эпохи, следовало бы назвать «гражданской наукой» или «художеством политическим» (*scientia civilis/scientia politica/ars politica*). Эта «наука» была призвана говорить с членом общества («подданным», «гражданином», «сыном отечества», «статским мужем») о предназначении, истории, устройстве и механизмах управления «гражданского общества» (*societas civilis*)¹ и должности самого гражданина (*civis*) в нем². *Scientia civilis* и *scientia politica* использовались как синонимы, прямо восходя к понятию *politikê epistêmê* Аристотеля, который видел в нем учение об «общем благе»³. Уже у Цицерона «гражданское учение» рассматривалось

¹ Понятие «гражданского общества» в эту эпоху отражало представление о государстве и обществе как неразрывном единстве. См. о значении этого понятия в XVII–XVIII веках: Ридель М. Общество, гражданское (Gesellschaft, bürgerliche) // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. К. Левинсона. М., 2014. С. 94–95, 123–128.

² Так в русском переводе «Philosophiae moralis» Христиана Баумейстера (1747) можно было прочесть: «А что человек, по колику он гражданин, делает или чего удаляться должен, учит его тому Политика или Градомудрие <...> Политика есть наука преподающая правила, по коим действия человека, по колику он, яко гражданин, живет в сообществе, управляемы и располагаемы быть должны». См.: Христиана Бавмейстера Нравоучительная философия в пользу благородного юношества. Переведена с латинского Сухопутного шляхетного кадетского корпуса учителем Иваном Исаевым. СПб., 1783. С. 7.

³ Аристотель. *Ēthika Nikomacheia*. I.3. У Платона и Аристотеля *epistêmê* (знание) сближается с понятием *techné*, поэтому в латинском может быть и *scientia politica*, и *ars politica*. Подобные синонимы возникают и в новоевропейских языках — например, в итальянском *l'arte del Regnare*. Для Платона искусство политика подобно ремеслу архитектора или даже ткача: он должен хорошо разбираться в своем деле, что невозможно без длительного обучения и склонности; это «царственная наука» плетения или ткачества, «таковое-то соткание всех сотканий превосходнейшее она совершивши, одевает их [градоправителей] и прочих во граде живущих, яко рабов, тако и свободных; и начальствуя над гражданством так, что не оставляет нигде ничего споспешествующаго

как искусство участия гражданина в управлении политическим сообществом¹. В этом же значении понятие «политическое искусство» попало в Россию начала XVIII века и стало использоваться в переводах и оригинальных сочинениях вместе со своими синонимами. Сам Петр I поручил перевести политический трактат Самуэля Пуфендорфа, поскольку прислушивался к мнению людей, «в том наученных художестве»². Русские читатели могли обнаружить разговор об этом «художестве» в предисло-

к соделанию граждан благополучными и блаженными». (См.: Платон. Политик. 308d, 311b–c; цит. пер. М. Пахомова и И. Сидорского: Градоправитель // Творений велемудраго Платона части вторья первая половина. СПб., 1783. С. 414.) Сравнение с ткачом использует испанский король Филипп II, продолжая метафору Платона: «Упражнение государя великое имеет сходство с художеством ткача, что и действительно правда, ибо сей художник наружность, казалось бы, имеет весьма великой покой при своих трудах, однако в самом деле хотя и сидя работает, руками, ногами, ртом и всем корпусом, и так в государе некакой душевной силы быть не надлежит, которая б не упражнялась безпрестанно в добropорядочном правлении своего государства и произведении пользы и покоя подданным». См.: НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 798. Политические мнения о должности такого короля, которой следует законам сущаго мещанина. Л. 7 — 7 об.

¹ У Цицерона как синонимичные используются понятия *civilis scientia* (De re publica, I.193), *rerum civilium scientia* (De re publica, I.11), *administrandi scientia* (De finibus bonorum et malorum, V.58), *regendae rei publicae scientia* (De oratore, I.201; I.214), *scientia in foedibus, pactionibus, condicionibus populorum, regum, exterarum nationum* (Pro L. Cornelio Balbo, 15). Все они обозначают знания, необходимые для участия в управлении «республикой» (полисом как сообществом граждан, объединенных общими целями), или знание «гражданских» дел, то есть всего, что касается сферы политической жизни. В историографии есть несколько точек зрения на то, вокруг чего была организована *civilis scientia*: так, Дональд Келли полагает, что это было римское право, точнее *ius civile*; Маурицио Вироли и Квентин Скиннер обнаруживают политическое знание в раннее Новое время как вид риторического искусства, а Софи Смит полагает, что «гражданское учение» — это целая теоретическая традиция, воздвигнутая на основе комментирования аристотелевской «Никомаховой этики» и «Политики». См.: Kelley D. Civil Science in the Renaissance: Jurisprudence in the French Manner // History of European Ideas. 1981. № 2. P. 261–276; Viroli M. From Politics to Reason of State. Cambridge, 1992. P. 26; Skinner Q. «Scientia civilis» in classical rhetoric and early Hobbes // Political Discourse in Early Modern Britain / Ed. by N. Phillipson and Q. Skinner. Cambridge, 1993. P. 67–96; Smith S. The Language of «Political Science» in Early Modern Europe // Journal of the History of Ideas. 2019. Vol. 80. № 2 (April). P. 203–226.

² Гавриил Бужинский сообщает об этом читателям в своем предисловии к переводу Пуфендорфа. См.: Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 8.

вии переводчика («политика истинная есть искусство управлять государством»), в переводе известного памфлета («искусство государствования») или в сборнике наставлений, где есть прямой аналог *scientia civilis* — «наука до Гражданства»¹. Таким образом, благодаря переводным текстам разговор о гражданской науке становится возможным для русской культуры XVIII века.

От текстуального к культурному переводу

В последнее время все чаще говорят о «переводческом повороте» (*translation turn*) в гуманитарных науках, благодаря которому «перевод оказывается новым основополагающим понятием наук о культуре и обществе»², а его расширенное понимание ведет к пересмотру старых подходов к практикам перевода. Действительно, переводческие исследования (*translation studies*) постоянно расширяют свое исследовательское поле и становятся важнейшей частью современной интеллектуальной и культурной истории. Как могут культуры взаимодействовать друг с другом, каким образом передаются информация и технологии, как осуществляется трансфер знаний и, наконец, что и почему «теряется» при переводе?

В XX веке объектом переводческих исследований были, прежде всего, переводы известных классических текстов, а сам перевод рассматривался как способ кодирования и декодирования значений с помощью знаков. Лингво-семиотический подход к переводу рассматривал культуры как знаковые системы, а обмен информацией между ними как процесс декодирования значений в рамках иной знаковой системы. У Джорджа Стайнера герменевтический и лингво-семиотический подходы привели к комплексному осознанию культуры как формы переноса смыслов во времени и пространстве, а перевод рассматривается им как универсальная модель коммуникации внутри самой культуры³. К сходным идеям пришел Ю. М. Лотман, который считал, что перевод присутствует в любом обмене сообщениями

¹ НИОР РГБ. Ф. 256. Д. 432. Тестамент политической. Л. 6 — 6 об.; Там же. Ф. 310. № 885. Ведомости Парнасския. Л. 265 об.; ОР РНБ. Ф. 550. F.II.65. История политична. Л. 56.

² Бахманн-Медик. Культурные повороты. С. 283.

³ Steiner G. *After Babel: Aspects of language and translation*. 3rd ed. Oxford, 1998.

внутри культуры, а поскольку знаковые системы индивидов не обладают полной тождественностью, перевод становится «элементарным актом мышления»¹. В то же время Лотман развивал идею Д. С. Лихачева о «трансплантации» как форме культурного переноса текста, который начинает жить своей жизнью на новой почве². Но если для Лихачева трансплантация выступает исключительным признаком средневековой культуры, поскольку текст в рамках рукописной традиции не имел «окончательного вида», то для Лотмана она возможна в разных исторических культурах как универсальная модель присвоения не только текстов, но и практик, бытового поведения и форм мышления. В этом отношении множественность языков культуры обеспечивает диалогический характер перевода, результатом которого почти всегда является создание нового текста, а эквивалентность при переводе никогда не выступает как тождество³.

Однако перенос текста из одной знаковой системы в другую невозможен без конкретных людей, которые занимались бы его декодированием и интерпретацией. Переводчики имеют свои цели и стратегии, обладают языковыми знаниями, политическими взглядами и занимают определенные социальные и идеологические позиции. Рассмотрение перевода как коммуникативного акта привело к постановке вопроса о социологии перевода и расширению исследовательского поля и самого понятия перевода. Теперь важно было изучать не только сами тексты, но и агентов коммуникативного обмена — переводчиков,

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 193.

² О понятии «трансплантация» см.: Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962. С. 53–94. Лихачев видит ключевую особенность трансплантации в том, что памятники, перенесенные из иной культуры, «изменялись, приспосабливались, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы». В этом случае и в ситуации отсутствия авторства перевод вел к продуцированию новых текстов, поэтому нельзя делить древнерусскую литературу на «оригинальную» и «переводную»: «переводная литература была органической частью национальных литератур; она не имела четких границ, отделяющих ее от литературы оригинальной. Переводчики и писцы по большей части были соавторами и соредакторами текста». *Он же*. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. СПб., 1998. С. 21–22.

³ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 590–602.

заказчиков, патронов, переписчиков, типографов и читателей. Таким образом, история перевода стала историей культурного трансфера. Само понятие «культурного трансфера» ввел Мишель Эспань¹, который, соединяя герменевтику и социологию культуры, выходит за рамки традиционной истории перевода². Эспань полагает, что, переходя из одного культурного контекста в другой, переведенный текст часто приобретает новое звучание и выступает в новом качестве, отражая проблематику той культурной ситуации, в которую он попадает, однако не теряя при этом полностью своего первоначального смысла. Деятельность переводчиков и собственно те вопросы, которые вставали перед ними, вели к трансформации языкового поля, в котором они работали. Привнося новые идеи и смыслы, терминологию и понятия, они трансформировали не только язык, но и сознание читателей. Утверждая, что «культурный трансфер можно представить как перевод», Эспань отмечает у исследователей «примечательное отсутствие интереса к самим условиям перевода, то есть к переводчикам»³. Важно, что Эспань старается отойти от традиционного в историографии понятия «влияния», чтобы подчеркнуть взаимодействие разных сторон в процессе трансфера и первичное значение «принимающей культуры» в присвоении информации. Собственно культурный трансфер определяется не экспортом, а потребностями культуры-реципиента. Но подобные потребности стоит, как нам кажется, связывать не столько с нациями или культурами, которые являются слишком широкими и размытыми для анализа понятиями, а прежде всего с определенными социальными группами (или даже конкретными акторами внутри этих групп) в тех или иных культурах.

¹ См.: *Espagne M., Werner M. (Dir.). Transferts: Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle)*. P., 1988; Эспань М. История цивилизации как культурный трансфер / Пер. с фр. Е. Е. Дмитриевой. М., 2018.

² Казалось бы, определение культурного трансфера как процесса «переозначивания (ресемантизации), который сопровождает переход культурного объекта из одного пространства в другое», возвращает нас к лингво-семиотическому подходу, однако Эспань уточняет, что социология трансфера не менее значима, «поскольку свободное движение объектов, книг, доктрин или эстетических форм не находит своего объяснения без посредников». Эспань. История цивилизации как культурный трансфер. С. 685–686.

³ Там же. С. 45.